

Роман Воликов

Тиара скифского царя

Роман Воликов
Тиара скифского царя

«Издательские решения»

Воликов Р.

Тиара скифского царя / Р. Воликов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830064-6

Основной темой рассказов, представленных в этом сборнике, является история противостояния. Результат противостояния, как правило, печален, а вот процесс весьма занимателен и чрезвычайно поучителен.

ISBN 978-5-44-830064-6

© Воликов Р.
© Издательские решения

Содержание

Тиара скифского царя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тиара скифского царя

Роман Воликов

© Роман Воликов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тиара скифского царя

ГОХМАН. Меня зовут Шепсель Гохман. Я родился 16 по старому стилю октября 1852 года в городе Очаков Херсонской губернии, где проживаю по сей день. Наша семья живёт в Очакове давно, больше ста лет, мы перебрались туда сразу после взятия города князем Потёмкиным из Литвы, где к евреям начали не очень хорошо относиться.

Мой дед был кабатчиком, держал небольшую винокурню, но отец, приняв дело, резко поменял направление. Тогда наступала эпоха железных дорог, и отец создал коммивояжерскую фирму по снабжению вокзалов всякой всячиной: от сельтерской воды до кондукторских свистков. Фирма наша процветает, я и мой брат Соломон активно трудимся на ниве прогресса, мы много разъезжаем по губернии, мы люди современные и любознательные.

Вся эта история началась душным летом 1894 года. В моём доме поселился Броня, единственный сын скоропостижно скончавшейся двоюродной сестры Руфи. Броня был молодой человек, неопрятный как в одежде, так и в мыслях. Обучаясь в коммерческом училище в Полтаве, он связался с людьми из Бунда, хранил в своей комнате крамольные брошюры, в связи с чем и был арестован полицией. Полиция, учитывая юношеский возраст Брони, проявила снисходительность и определила под надзор к законопослушным родственникам, то есть ко мне.

Итак, было душно, я только что отобедал и собирался подремать в нашем уютном тенистом дворике.

– Дядя, вы проспите лучший шанс своей жизни, – услышал я голос племянника.

Я приподнял веки и зевнул:

– Что ты хочешь, Броня?

– Пока вы блаженствуете, набив живот, – веско произнес Броня. – Невероятное состояние уплывает из-под ваших ног.

После такой прелюдии заснуть было уже невозможно.

– Изъяснийся конкретно, – сказал я.

– Я только что вернулся из Ольвии... – сообщил Броня и сделал значительное выражение лица прямо как у гарибальдиста в итальянской опере.

– А-а-а-а... – разочарованно протянул я и решил выпить рюмочку вишнёвки. – Нам с этого какой толк?

Я слышал, что русские археологи обнаружили в окрестностях Очакова руины знаменитого древнегреческого города Ольвия. В газетах писали, что это открытие равнозначно раскопкам Трои, проведённым Шлиманом лет двадцать пять тому назад.

– Нам какой прок? – повторил я. – Археологи люди скупые и неприхотливые. И у них свои интенданты.

– Вы не понимаете, дядя, – сказал Броня и положил передо мной несколько небольших потемневших от времени и невзгод глиняных статуэток.

– Тогдашние? – с любопытством спросил я.

– Одна, – невозмутимо ответил Броня. – Остальные почти. Угадайте, какая?

Я внимательно изучил статуэтки. Между ними не было никакой разницы.

– Пятый век до Рождества Христова. На венском антикварном аукционе каждая уйдёт за восемьсот рублей, – сказал Броня. – А на лондонском и того дороже.

Чтобы заработать восемьсот рублей, нам с братом надо несколько месяцев колесить по губернии.

– Сходи за графином вишнёвки, – сказал я. – Расскажешь, подлец, во всех подробностях, как ты это делаешь.

ФОГЕЛЬ. Как же я не люблю морские путешествия. Мой несчастный кишечник начинает крутить от одного лишь вида этого чудовища, изрыгающего из своих чресел чёрный угольный дым. Но добираться до Одессы посуху занятие бездарное со всех точек зрения, кроме того, у меня плохо со временем.

Разрешите представиться: Антон Фогель, крещёный, протестант, мне шестьдесят два года, но я полон сил и энергии, о чём мне любезно напоминают девочки из того самого особняка на Моргенташтрассе, скрытого за ветвями вековых лип, который я посещаю один, порой два раза в неделю.

Я потомственный венский антиквар, оба моих сына поочередно окончили художественную школу в Мюнхене и трудятся бок о бок со мной, так что в этом смысле у меня тоже всё в порядке. Но только в этом смысле.

Увы, моя любимая Вена – задворки антикварного мира. Настоящий рынок происходит в Лондоне и в Париже, а в последние годы ещё и в Нью-Йорке. Нам же достаются объедки пиршества, которые неумоимо собирают пронырливые хорваты по всем Балканам и допотопная керамическая рухлядь, которую иногда привозят греческие торговцы из Османской империи. Увы, настоящие шедевры пролетают мимо нашего чуткого носа.

Исполненный такими печальными мыслями, я покинул здание венского Императорского музея, где проходила триумфальная выставка герра Шлимана «Сокровища Трои» и отправился в контору.

Эльза принесла поднос с кофе, свежими бисквитами и подборкой вырезок из газет, которую ежедневно составляет мой помощник Ференц. Подборка эта всегда посвящена единственной теме – археологические изыскания.

Как житель лоскутной империи, я владею языками нескольких народов – её подданных, в том числе и русским. Я пробежался глазами по вырезкам. Три четверти страницы «Одесских ведомостей» занимала статья директора Одесского археологического музея Э. фон Штерна с красноречивым названием «Не верьте!».

– Любопытно! – отметил я. Профессор Штерн в мире искусства имел репутацию честнейшего человека и блестящего знатока греческих древностей. В то же время это был хмурый, вечно недовольный старик, крайне не любивший публичные выступления.

– Любопытно! Что так разъярило старого буку?

Я вчитался в статью.

– В последнее время, – гневно писал директор археологического музея. – Городской Привоз и портовые лавки заполнились скифскими и древнегреческими произведениями искусства, как правило, глиняными статуэтками и золотыми украшениями. Продавцы утверждают, что приобрели эти сокровища у неких мифических крестьян, раскопавших клады в окрестностях Ольвии. Заверяю вас, господа, это полнейшая чушь. Каждая находка, сделанная в Ольвии археологической экспедицией профессора Веселовского, пронумерована и находится под надёжной охраной. Никакие «крестьяне» к месту раскопок не допускаются. Всё, что продается в Одессе ушлыми торговцами – фальшивка чистой воды. Мы открываем при музее экспертное бюро, где любой желающий может получить бесплатную квалифицированную консультацию...

– Какой веселый гопак! – подумал я. – Кто же стоит за спиной этого действия?

Я откинулся в кресле. Вступив в тот возраст, в который я вступил, мною всё больше овладевало страстное желание сделать в своей жизни нечто значительное. А значительное в том кругу, где я вращался, означало сколотить настолько серьёзное состояние, чтобы претендовать на дворянский титул Австро-Венгерской Империи.

Я позвонил в колокольчик.

– Передай Ференцу, чтобы купил один билет на поезд до Дубровника и один билет на пароход до Одессы, – сказал я вошедшей Эльзе. – На поезд первого класса, на пароход второго.

ГОХМАН. Итак, с лёгкой руки Брони коммерция закрутилась невиданная. Племянник отвёз меня в сельцо Чёрные Грязи, где жили искусные гончары. Этим ребятам, бесхитрым в своей беспринципности, подделать скифскую статуэтку и состарить её не составляло никакого труда. Да, собственно, и глина в наших краях за последние две тысячи лет никак не изменилась.

Я подал соответствующее прошение в полицию, где указал, что намерен назначить Броню представителем фирмы в Одессе, прошение удовлетворили, племянник перебрался в портовый город, быстро сошёлся с фраерами и блестяще наладил сбыт. Раз в месяц я либо мой брат Соломон привозили в Одессу тяжелый сундук, набитый раритетами. К своей чести, могу сказать, что изредка мы продавали и настоящие предметы. Как правило, это были арабские монетки, ходившие когда-то при дворе киевских князей и наконечники половецких стрел, названных «поющими» из-за отверстия, в них сделанного, благодаря чему стрела в полёте издавала резкий пронзительный звук. И то, и другое находили крестьяне во время вспашки полей. Броня не мельтешил и честно выдавал арабские монетки за эллинские.

В Очакове одно время были нехорошие разговоры о нашей деятельности, но полиция резонно полагала, что искусство дело тёмное, и за скромную мзду господ полицейские не интересовались подробностями.

Так прошло два года. Два года удивительной замечательной жизни, когда великое искусство приносило плоды не только духовные, но и ощутимо материальные. Через два года своим нутром, а нутро меня никогда не подводило, я почувствовал, что пора завязывать. Мы наколотили такое количество скифских и древнегреческих статуэток, золотых и бронзовых украшений, мраморных плит с античными надписями, что это становилось очевидно подозрительным. И ещё статья треклятого профессора Штерна подлила масла в огонь.

Будучи по делам в Крыму, я посетил своего старинного знакомого Фрола Степановича Толубеева. Фрол Степанович владел имением в Феодосии, на берегу моря, хозяйство было запущенное, но очень симпатичное. Дела у хозяина обстояли неважно. Две дочери, засидевшиеся в девках, но жившие в Петербурге, вытягивали из папеньки все соки, в смысле финансовые.

Мы поторговались, как приличные люди, и ударили по рукам. Я оставил Фролу Степановичу аванс и, чрезвычайно довольный собой, поехал домой.

– Это отменный бизнес, – думал я по дороге. – Как сказали бы мои американские единоверцы: живёшь на берегу моря, денег куры не клюют, производишь свежие овощи и фрукты, овечий сыр, можно попробовать высадить оливковую рощу. В общем, живёшь как достойный человек, а не как барыга еврей из заштатного местечка.

Сырым мартовским вечером 1896 года в мой дом приехал Броня и вместе с ним почтенного вида господин, судя по всему – австриец.

– Познакомься, дядя, – сказал Броня. – Господин Фогель, к нам прямо из Вены.

Мы поужинали, поговорив за столом о погоде и балканской ситуации, которая всё больше напоминала пороховую бочку. После ужина я пригласил гостя в кабинет.

– Позвольте угостить, – Фогель достал из саквояжа изумительной красоты шкатулку. – Яванские сигары. Они не такие терпкие, как кубинские.

Он оценил мой завистливый взгляд.

– Сандаловое дерево, – небрежно бросил Фогель. – Шкатулку мне привезли по случаю из Калькутты.

– Я слушаю вас, – сказал я. – Что заставило столь уважаемого человека проделать столь долгий путь в наше захолустье?

– Я восхищен размахом вашей деятельности, господин Гохман, – без лишних церемоний сказал Фогель. – Ваш товар можно встретить даже в Осло. Некоторые специалисты полагают, что скифы только тем и занимались, что ваяли статуэтки и закапывали их в землю, причем

исключительно вокруг достославного города Очаков. Предвижу грандиозный скандал в самое ближайшее время.

– Полицейский участок напротив вокзала, – сказал я. – Вас там выслушают с интересом. Наверное.

– Успокойтесь, Гохман, – сказал Фогель. – Выбирая между чистотой нравов и чистотой золота, я предпочитаю последнее. Я предлагаю поменять ориентиры.

– Я намерен завершить коммерцию, – сообщил я. – Вы верно подметили: надо уметь выйти, тихонько затворив за собой дверь.

– Финал должен быть красивым, – сказал Фогель. – Как в вальсах нашего шепелявого гения Штрауса.

– Вы говорите несколько туманно, господин Фогель, – сказал я. – Я человек простой, хотелось бы услышать конкретное предложение.

– Конкретнее некуда, господин Гохман, – сказал Фогель. – Из всех легенд, сложенных об Ольвии, лично мне больше других нравится история про скифского царя Сайтоферна. Этот царь был большой забияка и причинял греческим колониям в Причерноморье немало неприятностей. В конце концов, чтобы задобрить грозного варвара, лучшие мастера Эллады изготовили для него тиару. Корона весила около 3 кг чистого золота и была украшена сюжетами из «Илиады» и посвящением Ахиллу Понтарху. О тиаре есть упоминания в трудах античных авторов. А вот живую её никто не видел. Возможно, царя в ней похоронили, могила его неизвестна. Возможно, в трудные годы просто переплавили. А, может быть, она стоит в избе какого-нибудь малороссийского селянина и используется в качестве ночного горшка. Кто знает?!

– Я вас понял, – сказал я. – И сколько, по вашему мнению, может стоить такая находка?

– Такие шедевры бесценны, – сказал Фогель. – Но если всё-таки попробовать прикинуть вознаграждение для лица, вернувшего мировому искусству то, что казалось безвозвратно потерянным, оно может составить 90 тысяч полновесных талеров Марии Терезии. По самым скромным оценкам.

Я едва не подавился слюной. За такую сумму можно купить половину Очакова, пожалуй, даже три четверти.

– Скажите, Гохман, – Фогель аккуратно потушил сигару. – Вы знаете в Одессе хороших ювелиров?

– Знаю, – сказал я. – Не уверен, что он самый лучший. Но зато самый амбициозный.

РУХОМОВСКИЙ. Меня зовут Борис Рухомовский. Мне двадцать четыре года, я владею частной ювелирной мастерской на улице Яблочной в Одессе. На самом деле, меня зовут Израиль. Борисом с первого дня нашего знакомства меня называет моя жена Сашенька. В ней невероятным образом сочетается радикальный феминизм с таким же оголтелым антисемитизмом. Я очень быстро привык к своему новоиспечённому имени, признаться, мне оно нравится больше, чем ветхозаветное Израиль.

С Сашенькой мы познакомились в Смоленске. Я работал подмастерьем в гравёрной мастерской Якова Проше. Мне было семнадцать, Сашеньке пятнадцать, между нами сразу вспыхнуло романтическое чувство.

Не надеясь на благословение её родителей, мы тайно обручились и бежали в колонию толстовцев в Олонецкой губернии. Жили мы скудно, моим рукам, привыкшим к тонкой ювелирной работе, было особенно невыносимо грубое плотницкое ремесло. Толстовских идеалов мы не разделяли, мы были люди молодые, жадные до яркой жизни, нам эта евангельская успокоённость была даже противна.

Когда Сашеньке исполнилось двадцать, у неё наметились первые признаки чахотки. Стало понятно, что на Севере больше жить нельзя. Невзирая на возражения жены, я поехал с покаянием к родителям в Житомир. Мои родители хорошие, добрые люди. Они ссудили мне немного денег, мы сняли скромный угол на улице Яблочной в Одессе.

Сашенька дышала морским воздухом, её здоровье постепенно начало поправляться, я же пристроился чеканщиком на Привозе. Я поставил раскладной столик и зонтик, который спасал от дождя и палящего солнца, и с наслаждением наносил гравировкой мифологические сюжеты на разнообразную утварь, которую мне приносили: металлические блюда, тарелки, подносы, кувшины, вазы, иногда даже чайники. Я помешан на античных сюжетах. Я твёрдо убежден, что настоящее искусство только тогда и было, а сейчас – так, послесловие.

Все мои заказчики, а их было немало, все без исключения: биндюжники, цыгане, батраки молдаване, приехавшие почудить в Одессу, портовые шлюхи и их сутенерши – все были в восторге от моей работы.

В один из дней ко мне подошёл бесцеремонного вида молодой человек, одетый по крикливой моде а ля пари.

– Броня. Негоциант из Очакова, – запросто представился он. – Я тащусь с вашего мастерства. Где вы обучались столь дивному искусству?

– Далеко, – сказал я. – Чего тебе надобно, пацанчик?

Броня тут же сменил интонацию.

– Есть дело, – сказал он. – За хороший магарыч.

– Что за дело? – спросил я.

– Не здесь. Надо показать. Извозчик за мой счёт. Прокатимся?

Броня отвёз меня за город. В полуразвалившемся сарайчике, стоявшем на песчаной косе, он отбросил мешковину с нескольких кусков мрамора.

– Вы представляете, мастер, – с изрядной долей театральности произнёс он. – Эти плиты помнят босоногих танцовщиц, ублажавших высоких гостей из Аттики.

– Понятно, – сказал я. – Мрамор следовало бы состарить, иначе любой мало-мальски разбирающийся человек тут же заметит, что танцовщицы прожили уж слишком долгую жизнь.

– Всё в ваших руках, мастер, – сказал Броня. – Любые повреждения, царапины, сюжеты рисунков и посвящений на ваше усмотрение. Полная свобода творческой фантазии, разумеется, в рамках древнегреческого мироощущения.

– Я с камнем мало работал, – сказал я. – Моя специальность – металл.

– Не беда, – сказал Броня. – Нет никакой спешки. Посидите в библиотеках, изучите технику. Твёрдое вещество важнее, чем жидкое, поскольку при испарении не испускает газы. Не помню, кто сказал, но звучит мудро.

– Кьеркегор, – сказал я. – Который Винсент. Дурачок ещё тот. Впрочем, он имел в виду другое. Сколько денег платите?

В общем, я удачно вписался в эту славную компашку. Именно по моему предложению ассортимент был расширен: появились украшения, золотые и серебряные, бронзовые гвозди, на которые тончайшей иглой я наносил вензели, правда, уже в византийском стиле. Я научился вкрапливать в мраморные плиты мозаику и, буду нескромен, древние мастера, без сомнения, похвалили бы меня.

Гохман платил хорошо. Через некоторое время я выкупил домик на Яблочной улице и обустроил ювелирную мастерскую по последнему слову техники.

Наверное, меня можно было бы назвать счастливым человеком. Любимая жена, любимая работа, южный приморский город, вполне устойчивое финансовое состояние. Наверное. Но, к сожалению, счастье было также далеко, как Луна, полёт на которую так потешно описал в своем романе балабол Жюль Верн.

Сашеньке исполнилось двадцать два года. Это была молодая красивая женщина с острым и подвижным умом. Она преподавала геометрию в женской гимназии и охотно посещала курсы французского языка при городской библиотеке. Домашних забот она чуралась и, поскольку деньги у нас теперь водились постоянно, питались мы в ресторациях и по субботам обычно

отправлялись на ночные представления в кабаре господина Павлиади, скопированные с парижской красной мельницы. Впрочем, пустое. Какая разница, где и как мы питались.

Между нами пролегла неуловимая, никак не объяснимая словами брешь. Нет, мы не скандалили, мы даже не спорили, тем более, что к вопросам современной политики я был равнодушен. Просто со всё более нарастающим ужасом я наблюдал, как девочка, влюбившаяся в меня в пятнадцатилетнем возрасте, меняется, и я за этими изменениями, происходящими в ней и с ней, не успеваю.

Я несколько раз поднимал тему ребенка. Обычно Сашенька не возражала, но уходила от разговора, ссылаясь на не вылеченную пока чахотку. Лишь один раз она обратилась ко мне по моему настоящему и столь нелюбимому ей имени.

– Израиль! – сказала Сашенька. – Я понимаю, что иудейские корни всё настойчивее требуют тебе тихого семейного счастья: дом, семья, работа, детишки учат Тору. Я понимаю и уважаю это стремление. Но это – не моё. Прости!

Признаться, я тогда подумал, что это конец. И, боже, как же я был счастлив, когда Сашенька вечером вернулась из гимназии домой, на Яблочную улицу.

Этот день, одиннадцатое февраля 1896 года, я запомню на всю свою оставшуюся жизнь. В этот день Сашенька исчезла. Её платья, шляпки, нижнее бельё, всевозможные штучки, без которых не может обходиться женщина, всё было на месте, в шкапу, на столике, развешано на стульях в ожидании хозяйки, которая утром, как обычно, ушла в гимназию и больше не вернулась.

Посреди ночи я отправился в гимназию, растолкал сторожа, тот сонно мотал харей и бормотал, что учительку геометрии вовсе не видел. Я отправился по больницам, затем в полицию, утром Броня по моей просьбе стреманул фраеров, те обрыскали город и окрестности, но развели руками – Сашенька будто сквозь землю провалилась. Через два дня урядник отвёл меня, уже изрядно пьяного, к начальнику почтовой станции, который смутно припоминал, что третьего дня дама, похожая на разыскиваемую, села в утренний дилижанс. Куда отправлялся дилижанс, в Яссы, Тирасполь, Кишинев, он вспомнить не смог.

– Слишком много пассажиров. Я не могу помнить каждого, – сказал он и недовольно приложил платочек к носу.

От меня воняло луком, водкой и квашеными огурцами.

– Она была одна? – спросил я.

– Не помню-с! – холодно произнёс начальник станции и демонстративно отвернулся.

Я доковылял до мастерской, выпил водки и одиноким волком посмотрел на почти законченную эпитафию на мраморной плите, которую я приписал Зенону Элейскому. Исковерканные, покореженные греческие буквы гласили: «Он жил и умер в неведении!»

ГОХМАН. Как поживает Рухомовский? – первым делом спросил я, приехав в Одессу.

– Пьёт, – сказал Броня. – Второй месяц кряду. Он от него жена сбежала. Заперся в мастерской, никого не пускает. Я попытался было поговорить с ним по душам, но он отправил меня посетить заморские страны, фигурально выражаясь.

– Плохо, – сказал я. – Надо навестить бедолагу.

– Прямо сейчас? – спросил Броня. – А обед?

– Обед потом. Поехали.

Я долго стучался в массивную дверь, пока не убедился в бесполезности этого занятия. Я присел на лавочку возле крыльца, чтобы перевести дух.

– Схожу за дворником, – сказал Броня. – Помер, поди, наш мастер.

Вдруг дверь открылась, вышел Рухомовский, нечёсанный, небритый, в мятой испачканной рубашке.

– У меня «казёнка» закончилась, – грустно сказал он и сел рядом.

– Тебе не водка нужна, Израиль, – сказал я. – Тебе нужна веревка и мыло. Броня может сбегать в соседнюю лавку. Если ты не хочешь жить, зачем откладывать встречу с Всевышним?

Рухомовский по-детски всхлипнул:

– Я же гений. Как она этого не поняла?!

– Гениев никогда не понимают, – сказал я. – Гениев оценивают по результатам, а не по их беспутной жизни.

– Вы всё про деньги, – сказал Рухомовский. – Неужели вам мало?

– Мало, много, всё относительно в этом мире, – сказал я. – А вот ты упускаешь уникальный шанс сделать действительно знаменитую вещь, единственную в мире. Твоё авторство, конечно, останется анонимным, но ты-то будешь знать, что это сделал ты.

– Что вы хотите, чтобы я сделал? – сказал Рухомовский.

– Нет, Борис. Сначала в баню, потом ты неделю не пьешь и только потом поговорим.

Через неделю помятый, но трезвый Рухомовский сидел в доме Брони и внимательно изучал «Русские древности» И. Толстого и Н. Кондакова, атлас к «Древней истории» Вейссера, репродукции щита Спициона, хранящегося в Лувре, и литографии гравюр Джулио Романо с фресок Рафаэля, которые я привёз.

– Задача наисложнейшая, – сказал я. – Тиару будут оценивать лучшие эксперты Европы. Радует лишь то, что у античных авторов описания подарка скифскому царю отрывочны и исполнены эпитетов: неподражаемая, великолепная и так далее, никакой конкретики. Если всё пройдет удачно, ты задашь новое слово в изучении древнегреческого искусства.

– У меня не хватает знаний, – сказал Рухомовский. – Я чувствую себя жалким уродцем перед встречей с исполином.

– Если хочешь, я командую тебя в Петербург, в Академию художеств. Расходы немалые, но дело того стоит.

– Не надо, – сказал Рухомовский. – Вы просто меня не торопите, не задавайте никаких сроков. Мне надо вжиться в историю.

– Хорошо, – сказал я. – На том и порешим. Борис, ты получишь за эту работу десять тысяч рублей. На эти деньги ты можешь уехать на любой край света, хоть к папуасам, жить безбедно и как душа пожелает. Твоя жизнь только начинается.

НЬЕВЕКЕРК. Я – граф Артур де Ньевекерк, генеральный директор Императорских музеев Франции. Я происхожу из старинного аристократического рода. Мой далёкий пращур выдвинулся при подавлении Жакерии, за что Карлом Злым был удостоен должности сокольничего, а впоследствии – старшего постельничего. Моя семья прошла вместе со страной все изгибы и выверты великой истории Франции. Во времена Католической Лиги в ней были и сторонники герцога де Гиза и убежденные гугеноты, в семейной хронике зафиксированы случаи, когда брат шёл с мечом на брата. В якобинскую революцию семья сохранила верность королю, многие были обезглавлены на гильотине, и для нас победа при Ватерлоо – личный праздник. В семьдесят первом году, будучи совсем молоденьким лейтенантом, я командовал взводом солдат, расстрелявших по приказу Тьера коммунаров на кладбище Пер Лашез. Это событие оставило неизлечимую рану в моей душе, я покинул воинскую службу и увлёкся археологией. Я участвовал в двух египетских экспедициях и в перуанской, той самой, обнаружившей каменные изваяния неведомой дотоледоколумбовой цивилизации – тольтеков. В 1886 году я был назначен парламентом генеральным директором Императорских музеев и делаю всё для того, чтобы Лувр оставался лучшим музеем мира.

Я человек пунктуальный и, пожалуй, даже педантичный. Работать я предпочитаю на службе, а в опере наслаждаться музыкой. Поэтому когда в антракте «Кармелиток» ко мне подошёл некий мсье Шиманский и сообщил, что у него важное дело, меня это изрядно взбесило.

– Если вы хотите что-то предложить музею, месье, – я старательно сохранял вежливость. – Обратитесь к господину Бенуа, в будние дни с одиннадцати до четырех.

– Дело, не терпящее отлагательства, – сказал Шиманский. – Речь идёт о тиаре царя Сайтоферна.

Увертюра к «Кармелиткам», звучавшая у меня в голове, мгновенно улетучилась. Я внимательно посмотрел на Шиманского.

– Её не существует в природе, месье Шиманский. Это легенда, не подтверждённая никакими доказательствами.

– Я готов представить тиару на обозрение в любое удобное для вас время, господин генеральный директор, – сказал Шиманский.

– В четверг, в девять утра. Мне нужно известить экспертов.

В четверг ровно в девять утра в моём кабинете по одну сторону стола сидел целый синклит авторитетных ученых, рекомендованных Экспертным Советом музея: Мишон, Равессон-Мольен, Лафенетр, Клаус Рейнак во главе с руководителем античного отдела Эроном де Вильфоссом, по другую – уже известный Шиманский, Фогель, антиквар из Вены, и некий господин Гохман, прибывший из России, собственно, виновник торжества.

– Итак, господин Гохман, – сказал я. – Мы все в нетерпении.

– Уважаемые господа! – сказал Гохман и поставил на стол саквояж. – Я должен заявить, что мне эта находка обошлась очень дорого.

Он расстегнул саквояж и нежно положил на стол тиару.

– Боже праведный! – произнёс Мишель Лавенетр, в своё время подтвердивший подлинность Венеры Милосской, чем немало расстроил турок, утверждавших, что настоящая Венера находится у них, а в Лувре копия. Он взял в руку лупу и принялся изучать тиару.

Я смотрел на тиару во все глаза. Патина времени, конечно, коснулась её, но было очевидно даже невооруженным взглядом – это подлинник. Все рисунки на тиаре, змееподобная надпись – посвящение Ахиллу Понтарху – находились именно там, где указывали в своих скудных сведениях античные авторы.

Тиара представляла собой золотой куполообразный парадный шлем, разделённый на несколько орнаментальных горизонтальных поясов. Главным была широкая полоса с изображением сцен из гомеровских «Илиады» и «Одиссеи»: Брисенда прощается с Ахиллесом; Ахиллес сжигает труп убитого друга – Патрокла, а боги ветров раздувают пламя костра; Одиссей уводит коней Реза, жертвоприношение Агамемнона. Нижний фриз рассказывал об охоте скифского царя на фантастического крылатого зверя. По сторонам пасутся козы и овцы, лошади и быки, виднеются фигуры скифских воинов. Между двумя этими фризами по кругу шла древнегреческая надпись, гласящая о том, что тиару преподносят в дар царю Сайтоферну жители города Ольвия. Тиара неплохо сохранилась, только в одном месте виднелась небольшая вмятина, словно от удара меча.

Невероятно. Поразительно. Какая чудная вещь. Восторгам не было конца. Когда учёные мужи успокоились, я задал соответствующий приличиям вопрос:

– Где же вы её взяли, господин Гохман?

– Это довольно долгая история, – ответил негодичант. – Мои люди работали в окрестностях Очакова, ремонтировали железнодорожные пути. От местных крестьян они слышали легенду, что в этих краях находится могила скифского царя Сайтоферна и его жены. Поэтому, когда в ходе земляных работ они раскопали клад, то сразу известили меня. Люди они простые, но ушлые, сразу разобрались, что корона сделала из чистого золота. Мне пришлось заплатить им внушительную сумму.

Гохман сделал круглые глаза: – Весьма внушительную, господа! Работяги угрожали, что отдадут тиару в переплавку. Я выкупил тиару и поехал в Одессу, искать экспертов. В Одессе

я случайно познакомился с господином Фогелем, – Гохман сделал в его сторону поклон. – Он заверил меня, что это подлинный шедевр древнегреческого искусства. И вот мы здесь, в Лувре.

– Врёт всё, собака, – подумал я. – Впрочем, это не моё дело.

– Окончательная экспертиза займёт некоторое время, господин Гохман. Тем не менее, я хотел бы услышать ваше представление о цене?

– Ну, я не знаю, – протяжно сказал Гохман. – Вы же сами говорите, что это вещь уникальная, второй такой в мире нет. Двести тысяч франков.

– Это невозможно, – старательно сохраняя хладнокровие, произнёс я. – Музей не располагает такой баснословной суммой. Мы должны будем попросить разрешения у парламента. А даст парламент разрешение или нет, я не могу знать.

– Мне очень жаль, господа! – сказал Гохман. – Послезавтра я уезжаю в порт Кале, оттуда в Лондон. Извините за причинённое беспокойство.

ФОГЕЛЬ. Я думал, что ударю этого еврея прямо в кабинете Ньевекерка. Едва мы вышли из здания музея, я яростно на него накинулся:

– Вы идиот, Гохман! Мы же договаривались, что предельная цена 120 тысяч франков. Больше не позволяет заплатить бюджет Лувра. Какая муха вас укусила?

– Вы не понимаете, Фогель, – сказал Гохман. – Нет ничего важнее человеческой амбиции. Эти люди мечтают переплюнуть Шлимана. Они заплатят, поверьте моему чутью.

– А если нет? – сказал Шиманский. – Я потратил на вашу авантюру уйму времени.

– Тогда я куплю билеты всем нам в каюты первого класса на пароход до Нью-Йорка, – сказал Гохман. – Не волнуйтесь, господа, они заплатят.

Вынужден согласиться с этим прискорбным фактом, евреи действительно лучшие торговцы в мире. Вечером в гостинице лакей передал мне письмо, украшенное вензелем банковского дома «Рейнак». Глава дома, Теодор Рейнак, приглашал меня на завтрак в Café de La Paix.

– Ваш русский партнер – резвый парень, просто казак, а не еврей, – без всякого вступления начал банкир. – Мой брат Клаус, который вчера был на встрече, утверждает, что тиара – подлинник. Это действительно так, господин Фогель?

– Подлинным является то, что признано большинством, господин Рейнак. Подробных описаний тиары не существует. Строго говоря, мы даже не знаем точно, жил ли на самом деле скиф Сайтоферн или это поздняя выдумка. Когда Шлиман раскопал Трою, тоже было много разговоров, а тот ли Илион, описанный у Гомера, он нашёл.

– В ваших словах есть безупречная логика, господин Фогель, – сказал Рейнак. – Я готов заплатить за тиару 180 тысяч франков, не дожидаясь решения парламента. Ещё двадцать тысяч мне придётся заплатить депутатам, чтобы решение парламента состоялось. Итого, та самая сумма, которую вы запросили. По-моему, всё честно.

– Вы говорите об искусстве, как барышник о лошадях, господин Рейнак, – сказал я.

– Оставим высокие материи для музейных стен, господин Фогель. Речь идёт не об искусстве, а о престиже. Если тиара окажется в Британском музее или, паче чаяния, в Нью-Йоркском Метрополитен, это будет пощечина для Франции. А французы пощечины не любят.

– Я полагаю, что сумею убедить Гохмана, – осторожно сказал я.

– Убедите, – сказал Рейнак. – И пришлите мне ваш антикварный каталог. Моя жена собирает безделушки для нового дома. У неё слабость к раннесредневековой мозаике.

РУХОМОВСКИЙ. Прошло семь лет. Из Одессы я никуда не уехал. Деньги, полученные от Гохмана, я быстро и бездарно прокутил. Погрузившись в пучину разврата и пьянства, я надеялся, что смогу забыть Сашеньку, перестану озираться на каждый шорох у входной двери, перестану ждать и ждать её.

Водка в конце концов мне осточертела и я продолжил совершенствоваться в своём ремесле. Гохман, который отошёл от дела, превратившись в эдакого гоголевского помещика в Феодосии, познакомил меня с Фогелем. Его заказы я добросовестно выполнял, получая

вполне пристойное вознаграждение. Я даже ввел моду, как сказали бы львовские гопники, на новую «фенечку» – золотые скелетики скифских младенцев царского происхождения, которые клали рядом с тельцем при захоронении. Эта идея, высосанная из пальца, благодаря антиквару Фогелю, который после случая с тиарой царя Сайтоферна стал признанным авторитетом по части античных древностей, получила широкий размах, я изготовил около трёх десятков скелетиков, два из них за сумасшедшие деньги приобрёл для своей коллекции барон Ротшильд.

Жизнь моя была сыта, безлика и убога.

После бесчисленного количества шлюх, побывавших в моей постели, я сошёлся с милой женщиной Галиной Алексеевной, которая работала ассистентом у профессора Штерна в Археологическом музее. Галочке было двадцать восемь, у неё был неудачный короткий брак, отношения наши были ровные и ненавязчивые, она была женщина начитанная и, пожалуй, мудрая.

– Ты знаешь, Борис, – Галочка произносила моё имя на польский манер, с ударением на первом слоге. – В антикварном мире разрастается грандиозный скандал.

Мы лакомились мороженым на летней веранде напротив Оперного театра.

– Что так встревожило музейных крыс? – спросил я.

– Ты слышал когда-нибудь о тиаре скифского царя Сайтоферна?

Я благоразумно не посвящал Галочку в характер своей деятельности.

– Отрывочно, – сказал я. – По-моему, её нашли в наших краях несколько лет назад.

– Совершенно верно, – сказала Галочка. – Сейчас она украшает Лувр. Эта была самая дорогостоящая покупка за всю историю музея, потребовалось специальное разрешение парламента. И вот в последнем номере журнала «Revue Cosmopolis» опубликована статья доктора Адольфа Фуртвенглера из Мюнхенского университета, в которой он убедительнейшим образом доказывает, что тиара – подделка.

– Скандал в благородном семействе, – сказал я. – А, может быть, этот доктор ошибается?

– Маловероятно, – сказала Галочка. – Доктор Фуртвенглер признанный авторитет по понтийскому периоду древнегреческой истории, аргументы, приведённые в статье, бьют просто наповал. Лувр дипломатично отмалчивается, но, похоже, не избежать независимой экспертизы из представителей лучших музеев мира. Хочешь, я переведу?

– Непременно, – кокетливо сказал я. – Нам, скромным ювелирам, так интересно читать о страстях в мире настоящего искусства.

На следующий вечер я множество раз перечитал перевод статьи, любезно сделанный моей дамой. Дотошный доктор из Мюнхена точно указал на все промахи, простительные мне как профану, но не ускользнувшие от внимательного взгляда серьёзного ученого.

«Прежде всего, – призывал Фуртвенглер, – всмотритесь в фигуры короны, в их движения, жесты, лица, одеяния. Разве это стиль античной пластики? Это провинциальные актеры, подменяющие врожденную грацию и благородство древних героев театральным пафосом.

Субъективно? Хорошо. Богов ветров греки всегда изображали в виде рослых атлетов, а здесь – путти детского возраста. Богиня Победы венчает Сайтоферна лаврами за удачную охоту. Помилуйте, но две тысячи лет назад охота была рутинным, привычным занятием, и Ника отмечала лишь героев ратных, а не охотничьих подвигов.

И ещё. Так ли уж правдоподобна сказка о подарке жителей Ольвии скифу Сайтоферну? Сохранилась так называемая надпись Протогена, повествующая о том, что ольвийцы действительно принесли в дар царю 900 слитков золота. Алчному скифу, однако, этого показалось мало, и он потребовал ещё. Но греки в ответ на притязания начали укреплять крепостные стены. Трудно поверить, что в такой напряжённой ситуации могла возникнуть тиара как подарок ольвийских греков своему недругу».

Завершал статью последний, сокрушительный довод: подробный список синонимов персонажей, изображённых на тиаре, на произведениях из самых разных эпох и разных, весьма

отдаленных друга от друга мест: на ожерелье V века до нашей эры, найденном в Тамани, на вазах римского периода из Южной Италии и на так называемом щите Сципиона, хранящемся в Лувре. Полный перечень образцов, литографиями изображений которых я пользовался при изготовлении тиары.

– Как же лопухнулись эксперты в Лувре, – подумал я. – Не иначе, как гохмановское колдовство.

Всю ночь я бродил по домику, открыл бутылку мадеры, но пить не стал. На заре я приступил к работе. Я почти не спал, иногда дремал минут по пятнадцать, изредка жевал абрикосы, которые созрели в садике, и много курил. Через пять дней передо мною стояла точная копия тиары, которую я сделал семь лет назад. Оставалось отдать в отливку, разумеется, из меди, и купить билет во Францию. Я выпил полный стакан мадеры и заснул мертвецким сном.

НЬЕВЕКЕРК. Гром грянул среди ясного неба. Нет, не стоит лукавить, хотя бы перед самим собой. Скептические высказывания о тиаре скифского царя были ещё в 1896 году, во время приобретения музеем. Но тогда они потонули в общем хоре восторгов и радостных восклицаний. Статья доктора Фуртвенглера из Мюнхена, конечно, тоже наделала немало шума, однако Министерство культуры благоразумно отнесло это выступление на счёт антифранцузских инсинуаций.

Общественное мнение в тот год бурлило. Только что закончилось пресловутое дело Дрейфуса, публика живо смаковала подробности. Обстановка была самая подходящая для новой сенсации.

Я работал в своем кабинете, когда, постучавшись, вошел мой секретарь Марио Феретти с бледным как полотно лицом.

– Простите, мэтр, что отрываю от важных дел, – сказал он. – В приёмной находится человек. Он плохо изъясняется по-французски, но из того, что я понял, следует, что он автор тиары царя Сайтоферна.

Мне вдруг захотелось, как в раннем детстве, забраться под стол и дожидаться, пока взрослые разойдутся по делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.